

Глава 2. Головная боль

Сообщение в WeChat пришло от Пэй Сяна — старого друга Лян Чэня и сына дяди Пэя. Стоило Лян Чэню черкнуть, что он в городе, как его тут же вытащили из дома.

«Старым местом» оказался бар под названием DES. О своей ориентации Лян Чэнь открыто заявил и семье, и близким друзьям уже давно. Его родители были университетскими профессорами, и, оберегая их репутацию, он хранил тайну до самого выпуска. Благодаря мощной поддержке Пэй Сяна и Лян Хуани родители, люди понимающие и здравомыслящие, быстро приняли его выбор. Однако вскоре после того, как вопрос с ориентацией был закрыт, Лян Чэнь осознал проблему куда более пугающую: сексуальную холодность.

Впервые осознание того, что его влекут мужчины, настигло его летним утром, когда ему было тринадцать. Тот сон и влажная простыня повергли его в ужас. Поначалу он утешал себя, твердя, что это лишь ошибка восприятия, которая со временем исправится. Но в период бушующих гормонов он понял: всё не только не пришло в норму, но и зашло слишком далеко. Этот неотступный страх заставил его провести всю юность в состоянии крайнего подавления. Позже, перерыв горы литературы, Лян Чэнь наконец уяснил — случай хоть и особенный, но не противоестественный. С тех пор он перестал бегать от правды, но именно тогда и проявился недуг.

Обследования показали, что с физиологией всё в порядке. Вердикт врачей был однозначен: всему виной чрезмерное психическое напряжение в подростковом возрасте. Даже когда Лян Чэнь научился принимать себя, многолетний психологический груз не позволял телу откликаться на возбуждение. Позже, когда терапия и лекарства начали давать плоды, навалилась учеба в магистратуре. Каждый день, сталкиваясь с тяжелыми психиатрическими случаями, он снова и снова загонял себя в тупик, лишая личную жизнь шанса на выздоровление.

Пэй Сян был первым, кто узнал об ориентации друга, и единственным, кто был посвящен в тайну его сексуальной холодности. Как истинный бро, Сян не оставлял попыток помочь Лян Чэню «вернуть былую мощь». Будучи стопроцентным натуралом, он упорно продолжал водить друга исключительно в гей-бары.

В баре, едва они заняли столик, Пэй Сян перекрыл музыку криком:

— Чэнь-эр! Ты надолго приехал? Решил уже — останешься здесь или обратно рванешь?

— Да не ори ты так, я же рядом сижу, — Лян Чэнь демонстративно поковырял в ухе. — Барабанные перепонки сейчас лопнут. Тебе бы здесь на разогреве работать вместо диджея.

— А что, я бы мог... Опа, — Пэй Сян внезапно сменил тон и с сальным видом начал поглаживать его колено. — Быстрее, брат, расскажи мне всё, я так хочу это услышать.

— Руки убрал, — Лян Чэнь сбросил его ладонь. — Ты не в моем вкусе, чего лапаешь?

— погоди, не кипятись, — Пэй Сян едва заметно кивнул в сторону. — За твоей спиной какой-то ублюдок ошивается. С тех пор как мы сели, глаз с нас не сводит. Давай подыграем, а то, боюсь, он сейчас прямо сюда припрется.

Лян Чэнь замер, с трудом сдерживая смех. Он сам вернул руку Пэй Сяна на свое колено, легонько похлопал по ней и прошептал на ухо:

— Ладно, положи и не двигайся. Шелохнешься — я его сам за наш столик приглашу.

— Всё-всё, не вопрос, заметано, — хохотнул Сян. — Так на чем мы остановились?

— Я ещё не решил, — Лян Чэнь мельком взглянул на сцену. — Вернулся на каникулы, думаю для начала пару месяцев постажироваться у твоего отца.

— Да без проблем! Старик только рад будет. Он же ещё до твоего отъезда хотел тебя к себе перетянуть. А теперь, с дипломом престижного американского вуза, за тебя любая больница в драку полезет. Когда к нему собираешься? Я звякну.

— Даже не вздумай. Будет некрасиво. Я уже сказал отцу, он сам договорится, — Лян Чэнь подлил другу вина. — Завтра суббота. Начну сразу после выходных, не хочу время терять.

— В твоём репертуаре — вечно тебе на месте не сидится. Ну хоть за эти дни отоспись после перелета, — Пэй Сян улыбнулся и закурил.

— А у тебя что? Как студия? Помню, ты говорил про какой-то крупный заказ, — Лян Чэнь внимательно посмотрел на него.

— Ой, да ну их... Те чинуши со своими правками задолбали. Думают, камень можно мять, как пластилин. Каждый божий день новые идеи. В общем, я плюнул, пусть подчинённые мучаются. Слушай, тут ребята из нашей компании подбивают меня в Дуньхуан съездить за камнями. Говорят, там нашли уникальные глыбы, обточенные ветром. Хочу скататься, заодно и развеемся. Рванешь со мной? — Пэй Сян выпустил колечко дыма прямо в лицо другу.

— Пошел ты. Хочешь, чтобы я того парня всё-таки подозвал? — Лян Чэнь махнул рукой, разгоняя дым.

— Эй-эй, виноват, исправлюсь! — Пэй Сян примирительно вскинул руки.

— Когда планируешь? Сейчас точно не могу. Давай в конце августа. Покатаемся напоследок перед моим отъездом в Штаты.

— Договорились, в конце августа так в конце августа. Как раз с этим заказом разгребуться, — Пэй Сян стряхнул пепел. — Кстати! Я же обещал тебе сюрприз. Чего не спрашиваешь?

Лян Чэнь лениво качнул бокал:

— Какой у тебя может быть сюрприз? Неужели невесту нашел?

— Тьфу на тебя, не в том смысле. Сюрприз — это Ван Кэцзя, — Пэй Сян покосился за спину Лян Чэня (наглец уже исчез), убрал руку и толкнул друга коленом. — Помнишь, ты звонил мне в прошлом месяце? Мы как раз были на встрече одноклассников. Я ответил прямо за столом, а этот гад Кэцзя сидел почти рядом. Видимо, услышал наш разговор и догадался, что это ты. После банкета он подошел ко мне. Угадай, что этот ушлепок мне выдал?

Глядя на Пэй Сяна, на лице которого крупными буквами читалось «Ван Кэцзя бросили», Лян Чэнь не почувствовал ни грамма интереса.

— Знаешь, Сян, я теперь понимаю, почему у тебя с девушками столько лет не клеится. Серьезно.

— Заткнись! При чем тут это? — Пэй Сян снова закурил. — В общем, Ван Кэцзя в открытую признался мне, что он теперь одинок. Прикинь, как совпало! Ты только позвонил — и он тут же лезет со своим одиночеством. Шифруется, зараза. Думаю, он спит и видит, как бы твой номер выцганить, да духу не хватает попросить. Видел бы ты его рожу — любо-дорого смотреть.

Пэй Сян ликовал не без причины. Ван Кэцзя тоже был их старым знакомым. Если точнее — тем самым мальчиком из снов Лян Чэня. Когда они окончили школу и он совершил каминг-аут, он сразу признался Кэцзя в чувствах. Лян Чэнь ждал отказа, но тот, к его изумлению, легко согласился. Счастью не было предела. Но недолго музыка играла: пока Лян Чэнь строил планы на их совместное будущее и учебу за границей, Ван Кэцзя втихую начал ему изменять. И, что самое дикое, — с девушкой. Удар был настолько сильным, что Лян Чэнь один улетел в Америку и три года не показывался на родине. А Пэй Сян после его отъезда нашел повод и хорошенько отделал Кэцзя, навсегда вычеркнув его из списка друзей.

Лян Чэню было глубоко плевать на личную жизнь бывшего. Но, зная Ван Кэцзя, он понимал: тот вполне мог снова что-то задумать. От этих мыслей стало тошно. Лян Чэнь мотнул головой, прогоняя нахлынувшее раздражение, и одним глотком осушил бокал.

Когда Цзянь И открыл глаза, первое, что он увидел, — это огромную физиономию Да Нина прямо над собой. Он хотел было оттолкнуть его, но понял, что не может пошевелиться.

— Почему меня опять связали? — спросил он, глядя на застывшего друга.

— Ты не ешь, — с трудом выдавил Да Нин.

Цзянь И раздраженно цыкнул. Взглянул на капельницу — питательный раствор был почти на исходе. С трудом приподнявшись, он толкнул Да Нина плечом:

— Позови врача. Пусть вынет иглу. Мне нужно в туалет.

— Не надо никого звать, я здесь, — отозвался Чэнь Сяо. Он подошел поближе и, улыбнувшись, добавил: — Проснулся наконец? Цзянь И, я тобой поражаюсь. Стоит тебе открыть глаза, как ты начинаешь буянить. Знал бы ты, как мне не хватает того тихого «спящего красавца», которым ты был полчаса назад.

— Если так скучаете, вкололи бы мне чего-нибудь, чтобы я уснул навсегда, — усмехнулся Цзянь И.

— Ну уж нет, — Доктор Чэнь похлопал его по щеке. — Мое любимое развлечение — изводить тебя. Сейчас время ужина, так что полежи смирно.

— Не получится, доктор Чэнь, правда, — Цзянь И выразительно скосил глаза вниз. — Сейчас рванет. Пустите в туалет.

— Кого ты лечишь? Ты здесь не в первый раз, — Чэнь Сяо заглянул под кровать. — Мочеприемник ещё пустой, пользуйся на здоровье.

— Эй-эй, доктор Чэнь, вы же меня знаете! Пока я сплю — делайте что хотите, хоть кровать пусть плавает. Но когда я в сознании... я никогда этой штукой не пользовался. Умоляю, я правда больше не выдержу, — голос Цзянь И задрожал.

Чэнь Сяо тяжело вздохнул и привычным движением расстегнул фиксирующие ремни. Цзянь И тут же принялся разминать затекшие запястья. Ему хотелось пулей влететь в уборную, но он боялся, что ноги просто подкосятся. Поэтому он медленно сполз с кровати и, покачиваясь, побрел за ними в сторону туалета.

В туалете всё было продумано до мелочей: ни одного острого угла или предмета, которым можно было бы себе навредить. Из-за риска спровоцировать приступ паники у пациентов зеркал здесь тоже не было. Но Цзянь И вдруг отчаянно захотелось увидеть свое отражение. Он поймал себя на мысли, что уже не помнит, как выглядит.

«Посмотри на струю мочи, может, хоть так поймешь, во что превратился», — подумал он. Опустив взгляд на свои ноги, тонкие, как палочки для еды, он поморщился.

«У больных раком на последней стадии и то вид лучше... Почему нельзя поменяться местами? Я бы спокойно сдох, а тот, кто хочет жить, остался бы здесь».

От этих мыслей голова разболелась еще сильнее. Цзянь И прислонился лбом к холодной стене.

«Зачем они заставляют меня жить? Я так устал. Невыносимо».

Он до боли закусил губу, сдерживая волну отчаяния, готовую накрыть его с головой. На мгновение в голове мелькнула мысль о самоубийстве, но он не успел ее додумать — его грубо прервали.

Чэнь Сяо осторожно разжал его зубы и внимательно осмотрел рот.

— Я уж решил, ты стоя уснул. Думаю — ну и ну, до чего неприхотливый парень. Ладно, приходи в себя, пошли отсюда.

Цзянь И заторможенно кивнул, но не тронулся с места, всё ещё находясь во власти своего мрачного транса. Доктор вздохнул и буквально за руку вывел его из туалета.

— Цзянь И, если не будешь есть, у тебя даже сил плакать не останется. Тебе же хуже, когда вся эта боль внутри копится. Сегодня вечером поешь каши. Будь умницей.

На ужин была пшенка. Чэнь Сяо поставил перед ним маленькую миску, но Цзянь И продолжал безучастно смотреть в пустоту. Тогда доктор пододвинул кашу поближе, покрутил пальцем перед лицом пациента и щелкнул. Цзянь И наконец сфокусировал взгляд.

— Цзянь И, если ты сейчас не очнешься, мне придется вызывать экзорциста, — Чэнь Сяо подтолкнул миску к его рукам. — Окажи честь старику, я полдня за тобой как сиделка бегаю. Съешь хоть пару ложек.

— Если честь — это еда, то есть должны вы, — огрызнулся Цзянь И. Он с трудом мог управлять лицом после долгого оцепенения. Он взял ложку, помешивая кашу. — Только десять ложек.

— Двадцать, и это окончательная цена, — Чэнь Сяо указал на шкафчик Цзянь И. — Обещаю, завтра в твоём шкафчике будет сюрприз. Шанс выигрыша — сто процентов.

— Прямо невидаль какая, — Цзянь И помедлил, поднес ложку ко рту и снова замер. — Хочу, чтобы шкафчик был полный.

— Без проблем, — улыбнулся Чэнь Сяо.

Цзянь И кивнул и наконец проглотил первую порцию.

«Открытие шкафчика» было главным событием дня для всех пациентов отделения. Там хранились передачи: сладости и снеки от родных. Но в шкафчике Цзянь И еда появлялась только благодаря доктору Чэню, медсестрам или Да Нину. Впрочем, ему было всё равно. В глубине души он считал, что идеальный день — это день без еды.

Около семи вечера, приняв лекарства, Цзянь И лег в постель. Он уставился в потолок.

«Вот и славно. Ещё один день убит. Но завтра всё повторится. Снова открывать глаза, снова видеть эти лица, делать одно и то же. Когда это закончится? Зачем такие, как я, вообще топчут землю?»

Голова разрывалась от боли. Он перевернулся на бок и под действием таблеток провалился в тяжелый, душный сон.

<http://bllate.org/book/17455/1657103>